

Люде Тихомировой двадцать четыре года. Когда она идёт по нашему посёлку, не то что молодые, но и пожилые мужчины долго смотрят ей вслед и прицокивают языками — так ладно скроена её фигура.

У Люды Тихомировой серые внимательные глаза, свои тёмно-русые волосы она разделяет тонюсенькой дорожкой и заплетает в толстую, ниже спины по длине, косу. Нос у неё прямой, губы — по-детски пухленькие, щёки на круглом лице румяные, свежие. Косметики почти не заметно. Обыкновенная русская красавица.

Мужчинам, когда они засматриваются на Люду, совсем не мешает её четырёхлетний сынишка Ванька — этакий крепышок, которого она ведёт за собой, как продолжение своей красоты. Правда, к этой красоте примешана ещё одна, неповторимая, отцовская, и поэтому Ванька будто сошёл с плаката о пользе детского питания. Свободная рука Люды летает в пространстве какой-то неземной белой птицей, а правой она крепко держит за пухлую ручонку Ваньку.

Люда и Ванька приехали к нам из Донецка. Жильё снимают у ещё не очень пожилых жителей нашего посёлка. Хозяин сдал ей небольшой домик недавно умершей тёщи.

Люда и Ванька беженцы. Хотя, если правильно, так они эмигранты, ведь бежали-то в Россию из другого государства. Но как я, русский, могу назвать эмигрантами русских же? В их отпочковавшейся при Ельцине стране теперь идёт война. Называют её гражданской. Но все мы понимаем — как бы война ни называлась, она несёт с собою смерть.

Спасая от смерти, и отправил в Россию свою семью Мишка Тихомиров. Семью отправил, а сам остался в Донецке — воюет с киевскими властями.

Жуть какая-то, которая недавно в страшном сне присниться не могла, стала явью, от которой — ну, никуда! Ведь это с киевской подачи прилетел на окраину Донецка снаряд и развалил напрочь три года назад построенный соседом дом. Таким же молодым, работающим Витькой Степановым. Вот и отправили они в Россию свои семьи. Правда, Витька — к российским родственникам, а Мишка — в белый свет, как в копеечку... И хоть и уехали Люда с Ванькой почти в том, в чём стояли, да ничего. В посёлке их встретили хорошо.

Дня три-четыре они с Ванькой только ходили да оглядывались. Грустно было, чужие все кругом. Потом оказалось, что не такие уж и чужие. Стали к ним захаживать соседи. Приносили кто что. Вот эту банку квашеной капусты да ещё два вилка в придачу принёс дед Иван Конопляников, что живёт напротив.

— На, детка, небось, у тебя в этом году капуста неудачная, так вот Ирина Петровна моя вам с мальцом и передала...

Картошки нанесли ведер десять. На всю зиму хватит, да и на посадку что-то останется. Плакала Люда долго. Вспоминала, как они с Мишкой первый раз свою картошку вырастили и урожаем собрали. Ох, и тяжело ей было. Только в подвал перетаскали, тут у неё и схватки начались. Теперь вот Ванька — Картофельный король бегаёт. Вон уже какой! Да что ж, они с Мишкой на своём огороде этих овощей не вырастили бы? Нет. Война. Гражданская. Свои в своих стреляют. И кончится когда — неизвестно.

Или вот для Ванечки одёжек всяких понанесли, да и для неё. Что они с Мишкой, криворукие? Что, Мишка на тряпки Люде не зарабатывал? Да сколько угодно! Но теперь ему воевать надо. Сказал: “Как с этой сволочью разберёмся, так и жизнь у нас пойдёт совсем другая”. Вспоминала эти слова Люда и опять долго плакала. А Ванька, смешной, утешает, говорит: “Не плачь, мама, папка им чертей накидает!.. Так дедушка Иван говорил”.

Господи, за что ж эта красавица со своим дитём страдает? За что мучается? Такая ли у неё сейчас жизнь должна быть с мужем, с ребёнком? Объяснение одно — война у них. Гражданская. Страшная...

А сегодня пришла к Люде пожилая женщина с дальнего конца улицы:

— Маргаритой Семёновной меня зовут, дочка. Слыхала, тяжело тебе с парнишкой. Работы, говорят, у тебя пока нет. Ну, ничего-ничего, всё образуется, и работа найдётся. Ты, говорят, воспитателем в детском саде работала?..

— Работала, — кивает головой Люда, — после училища...

— Ну, и будешь работать, даст Бог... А пока возьми, я вот тебе полведёрка картошки принесла. У нас хорошая — “красная шапочка” называется...

— Ой, спасибо, нам с Ванюшкой картошки уже на две зимы хватит...

— Бери, бери... Не стесняйся... Всё пригодится... Ты уж мне поверь... Мы сами это пережили... Сейчас-то ничего, а как только с Казахстана переехали — помыкались. Нас, правда, Назарбаев без войны выгнал... Чужая кровь, а без войны... А на вас свои с ружьями... Э-эх!.. Да и не свои они теперь уж, видно... Картошку куда сыпать?..

— Ой, да... — пытается отказать Люда.

— Бери, бери, — высыпает картошку прямо на пол Маргарита Семёновна, — вот мы-то вам с парнишкой уж точно свои... Точно...

— Маргарита Семёновна, — вдруг всхлипывает Люда и закрывает своё, красивое даже в слезах лицо, — я за мужа, за Мишку моего боюсь... Он у меня такой заводной...

— Молчи, молчи... Хорошего ему желай — только хорошего!.. Так ничего с ним и не случится... За сынишкой лучше смотри — береги... Вон он у тебя славный какой... Славный...

ЖАЛЁВАННЫЕ ДЕТКИ

Василий Арсентьевич плакал навзрыд, как мальчишка. Старик был закалённым рыбаком, любимцем всего села, потому что славился своей добротой и весёлым нравом. Сегодня ему было не до шуток. Его друг и одногродок Сергей Карпович никак не мог остановить его слёзы и лишь похлопывал по плечу:

— Ладно, Вась. Ну, что ты с ними сделаешь — такая нынче молодёжь. Такие вот народились.

Но обида давила Василия Арсентьевича, слёзы текли по морщинистому лицу, и никак он не мог успокоиться.

Вчера вечером под любимой вербочкой он сидел на привычном рыбацьем месте. Было оно хорошо прикормленным, и рыба клевала прямо одна за одной, радуя душу рыбака.

Метрах в тридцати от него на бережке пруда веселилась молодёжь. Были там, судя по всему, и парни, и девушки, но до ушей Василия Арсентьевича долетал такой чёрный мат, что душа рыбака просто ныла и переворачивалась. Изрыгали его и парни, и девушки, что особенно казалось Василию Арсентьевичу противоестественным. Он долго терпел это безобразие, наконец, бросил удочки и решительно направился к костру.

— Чо, дед, не спишь? — спросила его тень из-за костра, — иди, гуляй, тут у нас своя компания.

— Да я в вашу компанию и не хочу. Уж слишком вы тут матюгаетесь. И девки, слышу, не отстают. Вы, ребята, потише, а то мне, пожилому человеку, неловко вас слушать.

— Жаба, глян, деду жарко! Ты его остуди! — снова подала голос тень из-за костра, и Василий Арсентьевич сразу ощутил на себе холодный душ. Кто-то сзади вылил на него не меньше ведра холодной воды.

Старик остолбенел и онемел.

— Ха-ха-ха! Хи-хи-хи! — гнусно пролилось у костра. — Ну что, остыл? Дуй отсюда, пока цел! — и кто-то больно ударил его пинком пониже спины.

Как старик оказался дома, как он утром прибежал к другу своему, он не помнил.

— Кто же, кто же их воспитывал, Серёж? Как же так? Разве можно так, Серёж? Где же мы так проворонили-то их, а?

У Сергея Карповича на эти вопросы ответов не было. Не было их и у Василия Арсентьевича. Мало-помалу он стал успокаиваться, потом горестно вздохнул.

— Сергей, а помнишь мою бабушку Нюру?

— А что ж не помнить, отличная женщина была, Царство ей Небесное.

— Да я о том, как раньше старших уважали. Помнишь, мой дядька Микола с войны пришёл. Герой, орден Красной Звезды, два ордена Славы, медалей — вся грудь увешана. Меня бабушка Нюра тогда воспитывала. Война-то меня сиротой сделала. У дядьки уже трое детей было. Поссорился он с женой — что там случилось, мне неизвестно, но видел я, как он жену, тётю Люду, ударил, хлётко так. И бабушка Нюра это видела. Слышу: “Микола, сынок, а ну, подь сюды”. Дядька вздрогнул, но прошёл в горницу. Только на лавку сел, а она к нему как подлетает: “Ты на кого, сукин сын, руку поднимаешь? На матерю детей своих? Кого обижаешь? Она тут, в оккупации, в три дуги гнулась — не доедала, не досыпала, чтоб твои пацаны живые остались. А ты лапищи свои расшиперил. Что, силы некуда девать?!” — а сама его мокрой тряпкой бьёт, не разбирая куда — только награды брякают! А он, представляешь, мужичага ж здоровый, войну прошёл, медалей этих, а сидит, голову нагнул и — ни слова, только сопит. Так до самой смерти потом тётю Любу пальцем не тронул. А мы своих деток жалели. И эти вот, вчерашние, жалёванные, видно, выросли. А дальше что? Дальше что будет?..

МУМУ И МУМА

Электрику с колхозной репродукторной фермы по производству поросят Лёне Береговому кто-то подкинул во двор шестерых щенков. Смотреть на них было жалко, как на всяких маленьких сирот. Лёня задёргался, мол, что за народ, что за скотина эдакая, ему такую подлость учинила? Но приговор, однако, щенкам подписал.

— Дай мешок, Елена, — сказал он жене. — Пойду, утоплю их в речке, пока детвора не видела.

Лёня налил в миску молока и, когда щенки начали дружно лакать, быстро похватал их и покидал в мешок.

Дома его не было минут сорок, а когда возвратился, все шестеро щенков прибежали за ним во двор и сразу кинулись к миске с молоком.

— Что? — удивилась жена.

— Да знаешь, Лен, жалко их. Не стал грех на душу брать, — грустно сказал Лёшка.

— Эх, ты, Муму! — взвилась заводная Елена. — Кидай в мешок! Сама потоплю, раз мужиков в доме нет!

Лёшка повиновался и снова покидал бедных щенков в мешок. Елена выхватила его из рук супруга, кинула на плечо и скрылась за калиткой.

Лёшка ждал жену около часа. Уже стал подумывать — не случилось ли чего с ней там, на Сарме — речка это их. Но калитка открылась, и в ней появилась Елена. Она была мокрая с головы до ног. Мокрым был и мешок, из которого она вытряхнула мокрых, но живых щенков.

Щенки смешно стряхивали с себя воду и тут же устремлялись к миске с молоком.

— Ну, что ты на меня вылупился? — сердито спросила она у ошарашенного мужа. — Молока им подлей да хлебца раскроши.

— Ты... Ты что, плавала? — удивлённо смотрел на жену Лёшка.

— И ты бы пла-а-ва-ал! — вдруг запричитала Елена. — Я их в воду как кинула, а они как заго-о-ло-сю-ют!..

Елена закрыла лицо руками и побежала в дом.

— Во-во! — хохотнул велед ей Лёшка, — я у тебя Муму. А ты тогда Мума, да ещё и без ума. Кто ж в такую пору в речку прыгает?

На дворе стояла последняя неделя августа. Солнце ещё пригревало, но купальный сезон давно закончился. В первой половине тёплого, солнечного сентября всех щенков Береговые уже пристроили в хорошие руки.